

3 ИЮЛ 1989

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

интервью

«ПУШКИНСКИЙ ВЕНОК» ПОД СВОДАМИ ПАРИЖА

«В течение почти двух часов аудитория с увлечением и восторгом слушала прекрасный струнный оркестр и хоровой ансамбль, состоящий из 33 певцов и певиц, которые великолепно владеют своим мастерством. Владимир Минин дирижирует ими безукоризненно...» [Французская газета «Мидилибр»].

Это один из многих откликов прессы, широко освещавшей завершившиеся во Франции гастролы Московского камерного хора под управлением народного артиста РСФСР Владимира Минина. Говоря о выступлениях советского коллектива, французские музыкальные критики особо подчеркивали, что он блистательно представил слушателям академическое искусство своей страны, продемонстрировав его глубоко духовный, философско-этический смысл. Артисты хора выступили в ряде городов Франции, приняли участие в крупнейшем фестивале «Музыкальный май Бордо», а свой прощальный концерт дали в соборе «Сен-Жермен-де-Пре» в Париже, и везде, как отмечает французская пресса, программы русской и советской музыки пользовались огромным успехом.

— Мы не первый раз выступаем во Франции,— рассказывает художественный руководитель и главный дирижер хора Владимир Минин.— Нас знают там по гастролям позапрошлого года и двум «визитным карточкам» — пластинкам, выпущенным фирмой «Шан дю монд». На сей раз, помимо сольных выступлений, мы дали несколько программ совместно с Литовским камерным оркестром под управлением народного артиста СССР Саулюса Сондецкиса.

Гастроли убедили нас в том, что встреча с советским хоровым искусством не перестала быть для французов открытием. Да, они внимательно слушают и восторгаются, когда мы исполняем Шуберта, Моцарта или Вивальди. Но они, по их собственным признаниям, испытывают настоящее потрясение, когда звучат «Пушкинский венок» или «Ладога» Свиридова, произведения Танеева и Рахманинова, русские народные песни. Причем такое происходило не только во Франции, но почти в каждой из тех одиннадцати стран, где мы побывали. Вы, возможно, спросите, чем объяснить столь сильную реакцию публики. Думаю, глубинными свойствами нашей музыки, ее высокой духовностью, чистотой и поэтичностью. Ибо подлинно хоровая музыка России всегда была искусством философски возвышенным (а не развлекательным!), искусством, отображавшим значительные события в жизни страны и исконно национальную проблематику.

— Не могли бы вы рассказать о традициях хорового пения в других странах? Какие зарубежные коллективы представляют, на ваш взгляд, интерес?

— На этот вопрос весьма категорично ответила однажды канадская газета «Ванкувер сан». Комментируя гастролы Московского камерного хора, она написала: «По сравнению с этим коллективом певцы наших хоров выглядят, как сошедшие с одного конвейера куклы — различия стерты, индивидуальности унифи-

цированы». Мы, разумеется, далеки от того, чтобы применить мерку «Ванкувер сан» к западному хоровому искусству, а тем более профессиональному. Во всяком случае хор «Канадиен сингертс», пусть он единственный профессиональный в этой стране, никак не заслуживает подобной оценки. В других странах тоже есть весьма интересные и серьезные коллективы, такие, например, как хор французского радио и телевидения под управлением Марселя Куро, английский хор под управлением Элиота Гарднера, австрийский хор «Зингферайн», американский «Чикаго симфонический корус» и другие. Я уже не говорю о замечательных традициях хорового пения, которые бережно сохраняются и развиваются в Румынии, Чехословакии, Венгрии и других социалистических странах.

— По реакции зарубежной публики, ее поведению вы могли бы определить, в какой стране выступаете?

— Это трудно, очень трудно. Хотя кое-где публику «выдает» ее музыкальность, та, что идет от природы, от рождения. В Мексике, например, где мы недавно побывали, чувство ритма, мелодии в крови почти у каждого жителя. Мексиканцы ловят мелодию сразу, впитывают ее чутко и жадно, как сухая земля влагу. Бывает и так, что реакцию слушателей определяют немзыкальные причины. В некоторых странах, например, стоит появиться на сцене, зрители выражают нам свой восторг уже потому, что мы советские люди. В других по той же самой причине демонстрируют сдержанность, приглядываются, придирчиво оценивают наши костюмы, манеру держаться. Но как только начинает звучать музыка, лед тает. В этих случаях мы испытываем особую радость, потому что знаем: теплеют не только глаза зрителей. Частичка тепла останется в их сердцах по отношению к стране, которую мы представляем.

Интервью вел
В. КУЧЕРОВ.